

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 821.14.02
doi 10.17072/2073-6681-2023-4-5-13

EDN XCMKTG

Терпкий вкус спасения (к вопросу использования Климентом Александрийским корня -στυφ-)

Александр Юрьевич Братухин

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Bratucho@yandex.ru

SPIN-код: 2394-1350

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6581-3721>

Статья поступила в редакцию 06.03.2023

Одобрена после рецензирования 02.09.2023

Принята к публикации 05.10.2023

Информация для цитирования

Братухин А. Ю. Терпкий вкус спасения (к вопросу использования Климентом Александрийским корня -στυφ-) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-5-13

Аннотация. Климент Александрийский для описания противоположных (карающих и поощряющих) методов божественной педагогики использует метафоры из области вкусовой и медицинской сферы. Бог выступает у него не как строгий судья, карающий грешников, а как заботливый и мудрый врач, прописывающий им горькое/терпкое лекарство. Суровые, но спасительные испытания (душевные страдания, страх) Климент сравнивал с вяжущими средствами. Физическое наказание, о котором говорится в книге Притч (Притч. 23:13–14), Климент истолковывает как нравственное. По его мнению, «эллинская философия заранее формировала и загодя укрепляла (προ-τυλοῦσα καὶ προ-στυφουσα букв.: загодя вязала) нравы» (Strom. I, 16, 80, 6), которые он при помощи божественных Писаний собирает подкрепить, используя последние как вяжущее средство (ἐπι-στυψω) (Paed. III, 2, 9, 1). Водянистость (ὕδαρότης, ὕδαρές, ὕδατῶδες) в некоторых случаях ассоциируется им с порочностью, а обличение рассматривается как вяжущее, избавляющее от избытка жидкости лекарство, призванное остановить распространение греховных язв. Александрийский богослов привлекает внимание читателей к важным для него положениям, используя как словесную игру (например, ἐπιστύφων... σταφυλῆς), так и полисемию. Восприятие Бога как Врача стало характерным для Православной Церкви и повлияло на понимание сущности епитимьи, рассматриваемой как врачевание кающегося. В статье рассматривается проблема использования слов с семой вязкости в религиозно-нравственном контексте. Целью работы является анализ употребления Климентом Александрийским лексем со значением «терпкости». Методы исследования – текстологический и герменевтический.

Ключевые слова: Климент Александрийский; вяжущие средства; божественная педагогика; метафора; епитимья.

Образ «терпкости» интересен своей амбивалентностью. А. А. Полякова и Е. А. Юрина так отмечают этот факт: «Значения образных средств языка, выражающих метафору ‘терпкий’, демонстрируют неоднозначное отношение к этому вкусу. С одной стороны, он оценивается как неприятный: терпкие продукты раздражают вкусовые рецепторы, оставляют во рту оскомину, вяжущие ощущения. Эти ассоциации лежат в основе метафорической характеристики печальной музыки, неприятных высказываний, мучительных чувств и тягостных событий <...>. С другой стороны, терпкость придает продуктам и напиткам необычный, яркий вкус, что ставит их в одну

группу с пряными и острыми. Это качество терпких продуктов отразилось в образных наименованиях оригинальных, привлекающих внимание объектов, волнующих ощущений, вызывающих сильные эмоции жизненных событий, привлекательной, чувственной внешности <...>» [Полякова, Юрина 2020: 80].

Приведем часть таблицы из статьи Е. Ю. Яровой [Яровая 2015: 80].

Как мы увидим, в греческой раннехристианской литературе II–III вв. слова с семой вязкости, образованные от корня -στυφ-, имели несколько иные коннотативные значения, чем в современных русском, английском и французском языках.

Коннотативные значения прилагательных с семой вязкости
Connotative meanings of adjectives with the seme of astringency

Сема	Русский	Английский	Французский
Имеющий неприятный запах	<i>терпкий запах</i>	<i>acrid smoking</i> ‘терпкий сигаретный дым’	<i>une âcre fumée</i> ‘терпкий дым’
Имеющий яркий цвет	<i>терпкий цвет</i>	<i>pungent roses</i> ‘яркие розы’	<i>les couleurs acerbes</i> ‘яркие цвета’
Имеющий резкий неприятный звук		<i>an acerbic tone</i> ‘резкий тон’	<i>parler d’un ton acerbe</i> ‘говорить резким тоном’
Имеющий язвительный характер	<i>он умный человек, но терпкий</i>	<i>he grows more acrid</i> ‘он растет более язвительным’	<i>il est très âcre</i> ‘он очень язвителен’

Климент Александрийский неоднократно обращался к существительным, прилагательным, глаголам и образованным от них причастиям с корнем -στυφ-: στύμμα¹, στύψις², στυπτικός³, στύφειν⁴, ἐπιστύφειν⁵, простύφειν⁶. Использовал Климент их как в буквальном (при описании вкуса и медицинского/химического эффекта), так и в переносном значении – «укорять, бранить», «укреплять, закреплять». Иногда он сравнивал негативные, но душеспасительные испытания (страдание, страх) с вяжущими средствами. «Восприятие горького и терпкого вкуса выступает основанием для метафорического переноса на печальные, горестные, тягостные события и жизненные явления» [Полякова, Юрина 2020: 81].

Отметим, что Климент интересовался фармакологией и, по всей видимости, разбирался в ней. О знании Климентом современной ему медицины мы писали ранее [Братухин 2011: 128]. На частое использование медицинских метафор в «Педагоге» обращал внимание Э. Ф. Осборн: «Предметом своей второй основной работы Климент делает обучение, осуществляемое Педагогом. Концом этого обучения являются не теоретические знания, а правильная жизнь. Педагог исцеляет страсти и направляет поведение. Часто используются медицинские метафоры. Обличение – это операция, которая вскрывает нарыв страсти. Бывают времена, когда надо ранить бесчувственную душу и ценой малой боли

спасти ее от вечной смерти. Используется и другая медицинская метафора. Когда нас обличают, ставится диагноз нашего духовного состояния» [Osborn 1957: 77]. Остановимся на фрагментах из «Педагога», в которых говорится о вяжущем воздействии на организм человека цветочного запаха и мирсина. «Запахи же роз и фиалок, будучи чуть-чуть холодящими, уменьшают и вяжут (ἐπιστύφουσι) головную боль <от похмелья>» (Paed. II, 8, 71, 4). Похожее место обнаруживаем у Плутарха: «И то и другое оказывает стягивающее действие, и запах такого венка успокаивает головную боль (στύφει... <συ>στέλλει τῇ ὀσμῇ τὰς καρφηβάριας)» (Plut. Quaest. conv. 647d; пер. Я. М. Боровского). О сходстве мыслей, высказываемых Плутархом и Климентом, говорит Й. Габриэльссон: «Мы находим очень точную параллель с отрывком об ἄνθη στεφανωτικά (цветах в венках) у Плутарха. <...> Климент представляет, однако, больше информации, чем Плутарх <...>. Здесь следует задаться вопросом, занимает ли Климент материал у Плутарха и использует вторичный источник, или оба они восходят к более древнему источнику» [Gabrielsson 1909: 304]. Не ставя перед собой цели выяснить источник Климента, отметим его осведомленность в этой теме. Чуть ниже он утверждает: «Мирсин же, <изготовленный> из миртовых ягод и побегов, обладает вяжущим свойством (στυπτικόν), удерживающим выделения из тела»

(Paed. II, 8, 76, 2). По словам Плиния Старшего (I в. после Р.Х.), масло мирта обладает вяжущим и укрепляющим действием (*adstringit, indurat*) (*Plin. N. N. XXIII, 44, 87*); сок действует вяжуще на кишечник и обладает мочегонным эффектом (*alvum sistit, urinam ciet*) (*Plin. N. N. XXIII, 81, 160*); сухие листья, измельченные в порошок и посыпанные <на кожу>, останавливают потоотделение (*foliorum arentium farina sudores cohibet inspersa*) (*Plin. N. N. XXIII, 81, 161*); отвар листьев мирта в вине принимают при дизентерии и водянке (*eadem in vino decocta dysintericis et hydropticis potui dantur*) (*Plin. N. N. XXIII, 81, 162*). Не настаивая на зависимости Климента от Плиния Старшего, мы вновь подчеркнем тот факт, что христианский автор непринужденно использовал данные современной ему науки.

Перейдем теперь к рассмотрению тех пассажей, содержащих слова с корнем -στύφ-, анализ которых поможет нам лучше понять учение Климента Александрийского, касающееся божественной педагогики. Александрийский богослов советует: «*Μαλοῦ* же вина приеми, стомаха ради твоего» (см.: *1 Тим. 5:23*), говорит апостол пьющему одну лишь воду Тимофею, замечательным образом предлагая вяжущее средство, подходящее для больного и вялого от избытка жидкости тела, но назначая его в малом количестве, чтобы из-за <своего> обилия лекарство незаметно не вызвало необходимости в ином лечении» (Paed. II, 2, 19, 1)⁷. По этому поводу Э. Н. Эдворд пишет: «Климент начинает свое обсуждение пищеварительных свойств вина со ссылкой на *1 n Тим. 5:23*. В этом отрывке из Священного Писания Павел советует Тимофею употреблять вино для желудка (*στόμαχος*) в качестве вяжущего средства (*τὸ ἐπιστύφον βοήθημα*), поскольку употребление воды сделало Тимофея больным (*νοσηλεύω*) и вялым телом (*πλαδῶντι σώματι*) (2.2.19.1). <...> Хотя Климент не указывает тип вина, которое должен употреблять Тимофей, правильно смешанное сухое белое вино (*αὐστηρόν, λεπτόν, λευκόν, ὑδαρέα*) принесло бы пользу человеку в состоянии Тимофея» [Edewaard 2020: 161–162]. Христианский богослов, в отличие, например, от Горация, не стремился к конкретике и не имел в виду определенную марку вина. Ниже (Paed. II, 2, 19, 4–20, 2), по словам Э. Иттера, «Климент дает формальный отчет (a formal account) о литургической Евхаристии» [Itter 2009: 136, note 103]. На наш взгляд, Климент использует в разбираемых нами 19-й и 20-й главах «антиалкогольный» пафос, чтобы, противопоставив воду, «питие трезвости», данное Богом древним евреям в пустыне (Paed. II, 2, 19, 2), «крови винограда», прелагаемой в Кровь Христа, раскрыть свое учение о Евхаристии и

обожении: причащающиеся освящаются телом и душой, и эту смесь, человека, воля Отца соединяет с Духом и Логосом (Paed. II, 2, 20, 1). Малое количество <новозаветного> вина должно *подкрепить* Тимофея, пьющего лишь <ветхозаветную> воду. Остановимся на этом подробнее. Со значением «укреплять/подкреплять» слова с корнем -στύφ- встречаются у Климента дважды:

1) «Эллинская философия <...> предуготовляет путь царскому учению, <...> заранее формируя и заранее укрепляя (*προ-τυπῶσα καὶ προ-στύφουσα*) нравы» (Strom. I, 16, 80, 6);

2) «Немного позже я подкреплю (*ἐπι-στύψω*) свои слова и божественными Писаниями» (Paed. III, 2, 9, 1). В «Увещевании» (68–88) Климент использует тот же метод: обратившись сначала к изречениям языческих авторов, писавших о Божественном более или менее правильно и подготавливавших людей к принятию истины, затем приводит цитаты из Священного Писания, призванные расставить все точки над *i* в знании о Боге.

В первом случае (Strom. I, 16, 80, 6) очевидно желание Климента использовать словесную игру: *protypusa – prostyphusa*. Каламбуры широко использовались и в новозаветных текстах. С. С. Аверинцев пишет: «Для нашего уха такие созвучия⁸ отдают чем-то не очень торжественным, и мы называем их каламбурами; но учительная традиция восточных народов искони пользовалась ими как праздничным убранством речи и одновременно полезной подмогой для памяти, долженствующей цепко удержать назидательное слово» [Аверинцев 1987: 21]. В сочинениях Климента подобные приемы встречаются очень часто, возможно, под влиянием представителей Второй софистики, которые пытались воздействовать на своих слушателей, в том числе ритмом, гомеотелевтами, аллитерациями и другими подобными приемами.

Вернемся к анализу отрывка о совете апостола Тимофею. Как эллинская философия стала для язычников подготавливающей (*προ-στύφουσα*) к принятию истины, которую Климент намеревается подтвердить (*ἐπι-στύψω*) библейскими цитатами, так к воде, трезвящему питию блуждающих в пустыне евреев, добавляется вино, вяжущее/подкрепляющее тех, кто достиг зрелости. Некоей притчей может служить следующее замечание Климента: «Пожилым людям охотнее следует позволить участвовать в пирах, без вреда вновь воспламеняя лекарством лозы хлад возраста <...>» (Paed. II, 2, 22, 3). Ср. противопоставление молока и твердой пищи в 1 Кор. 3:2.

На внутреннюю связь рассуждения о Евхаристии с рассказом о совете Тимофею, по нашему мнению, указывает наличие похоже звучащих

слов: «вяжущее средство» (τὸ ἐπιστύφον βοήθημα) и «кровь винограда» (τὸ αἷμα τῆς σταφυλῆς) (Paed. II, 2, 19, 3). Отметим также, что чуть ниже (Paed. II, 2, 20, 3–4) говорится о вызываемом вином сексуальном возбуждении⁹, а глагол στύφειν имеет значение «репем erigere, in Erection sein» [Frisk 1960: 816]. Хотя Шантрэн ставит связь между στύφειν от στύφειν под сомнение [Chantraine 1968: 1067], для автора «Педагога» бросающееся в глаза сходство (die formale Ähnlichkeit springt in die Augen) [Frisk 1960: 816] между двумя этим глаголами должно было быть определяющим.

Восхваляя вяжущие средства, полезные при избытке жидкости, Климент рассматривал влагу как аллегория порока или немощи: «Нужно знать, что как хлеб, положенный кусками в разбавленное вино, захватывает вино, воду (τὸ ὕδατῶδες) же оставляет, так и плоть Господа, хлеб небесный, впитывает кровь, вскармливая людей неба в нетление, оставляя же тлению лишь те плотские похоти» (Paed. I, 6, 47, 1). «<Египтяне> не прикасаются к рыбе из-за некоторых мифов, но особенно из-за того, что такая пища делает плоть водянистой/дряблой (πλαδαράν). <...> говорят, что рыбы дышат не этим воздухом, а тем, который смешался с водой (τῷ ὕδατι) в момент ее первого сотворения» (Strom. VII, 6, 33, 8–34, 1).

«Водянистость» также рассматривалась Климентом как нечто отрицательное. В Paed. II, 1, 8, 4 он пишет: «Итак, нужно воздерживаться от идоложертвенного, <...> из-за непостоянства (διὰ τὴν ὑδαρότητα) <людей,> воспринимающих большинство вещей с колебанием». Слово ὑδαρότης, отсутствующее в LSJ, учитывается словарем Дж. У. Г. Лампе. Согласно ему, оно имеет значение “wateriness”, употребляется у Паллады в пассаже, где говорится об искажении чистого знания водянистостью рассуждений, метафорически со значением weakness – у Климента о людях (в приведенном выше фрагменте), со значением moral laxity – у Эпифания [Lampe 1961: 1422]. Заметим, что это слово как гапакс впервые появляется именно у Климента. Ниже у него читаем: «Если Он и сделал воду вином на браке, Он не разрешил напиваться, но оживотворил водянистость мыслей (τὸ δὲ ὑδαρὲς τοῦ φρονήματος ἐξωποίησεν) <...>. Писание назвало вино таинственным символом святой Крови» (Paed. II, 2, 29, 1).

Избыток в теле влаги Климент рассматривал как признак невоздержанности: «Находящиеся же в расцвете <люди>, <...> ежедневно завтракая, отведав только хлеба, пусть совершенно воздерживаются от питья, чтобы излишняя находящаяся в них влага (τὴν περιττὴν ὑγρότητα) по-

глошалась, впитываясь благодаря сухоядению. Ведь и непрерывно плевать, и сморкаться, и бегать для опорожнения – признак невоздержанности, <появляющийся> из неумеренного прибавления влаги, вливающейся с избытком в тело. Если и случается жажда, пусть <молодые люди> утоляют эту страсть небольшим количеством воды: ведь не подобает без удержу наполнять себя ею, чтобы пища не вымывалась, но размягчалась для переваривания, когда она встраивается в тело, и <лишь> небольшое полностью удаляется в выделения» (Paed. II, 2, 21, 2–3).

Чистота ассоциируется с сухостью: «Ибо как следует пользоваться пищей для того, чтобы не голодать, так следует пользоваться питием, чтобы не жаждать, со всем тщанием остерегаясь падения: ведь проникновение вина <в человека> делает того склонным к падению. Так наша душа делается, пожалуй, чистой, и сухой, и световидною (καθαρὰ καὶ ξηρὰ καὶ φωτοειδής), “сияние же – душа сухая, мудрейшая и лучшая” (Heracl. Fr. 118.). Таким образом, она предается созерцанию и не является влажной (κάθυρος) от винных испарений, материализовавшейся наподобие тучи» (Strom. II, 2, 29, 2–3). Итак, сухость и вяжущие средства, помогающие бороться с избытком жидкости в организме, Климент рассматривает как нечто положительное, а водянистость – как отрицательное.

Неоднократно слова с корнем -στυφ- у Климента означают «укорять», «уязвлять». Порицание рассматривается им как полезный и действенный элемент воспитания.

1. «Те же, которые бранят (ἐπιστύφοντες) для пользы, если в настоящий момент и тягостны, но оказывают услугу для будущего века» (Paed. I, 9, 75, 3).

2. «Поэтому и сам апостол укоряет (ἐπιστύφει) по отдельности церкви <...>. Он посыпает не только облегчающими/нежными снадобьями (τὰ ἥλια ἐπιπάσσει φάρμακα), но и терпкими, вяжущими (τὰ στυπτικά). Ведь горькие корни страха останавливают распространение греховных язв» (Paed. I, 9, 83, 1–2). Этот пассаж – один из самых любопытных, так как в нем обыгрывается звучание слов с разным значением, но одинаковым корнем; кроме того, здесь мы обнаруживаем гомеровское выражение ἥλια φάρμακα «унимающие боль лекарства», ср. Δ, 218 и Λ, 515, 830 [Clément d’Alexandrie 1960: 258, note 3].

3. «...если мы показали домостроительство, касающееся воздействия на человечество терпкостью/резкостью (τὸ ἐπιστύφειν), как благое и спасительное, принимаемое Логосом по необходимости и явившееся пригодным для <вызывания> раскаяния и воспрепятствования грехам, то после этого хорошо бы рассмотреть кротость (τὸ

ἥλιον) Логоса» (Paed. I, 10, 89, 1). Здесь снова кроткое/нежное противопоставляется терпкому.

4. «Гераклит, порицая (ἐπιστροφῶν) неких за неверие, говорит: “Не умеющие слышать и говорить”, разумеется, <делает это,> получив помощь от Соломона: “Если полюбишь слушать, примешь, и, если приклонишь ухо твое, станешь мудрым” (Сир. 6:34)» (Strom. II, 5, 24, 5). Греческий философ, как и апостол, словесными средствами, угрозами пытается заставить неверующих прийти к мудрости.

5. «Старайся слушать хотя бы кого-либо одного, говорящего откровенно и в то же время уязвляющего и лечащего (καὶ στύφοντος ἅμα καὶ θεραπεύοντος)» (Quis dives. 41, 2). Этот пассаж вызывает в памяти стих из Второзакония, содержащий синоним к глаголу θεραπεύω «Я поражу (πατάξω), и Я исцелю (ιάσομαι)» (32:39). Ср. также: «Ибо Он причиняет раны, и Сам обвязывает их; Он нанес удар (ἔλαισεν), и Его же руки врачевали» (Иов 5:18); «ибо Он уязвил (ἔρησεν [tāgār], ἥρακεν, букв. разорвал) – и Он исцелит нас, поразит (ἔρακεν, πατάξει) – и перевяжет наши раны» (Ос. 6:1). Но, в отличие от Библии, Климент для описания противоположных (карающих и поощряющих) методов божественной педагогики находит метафоры из области вкусовой сферы. Такие тропы не являются редкими в литературе. «Значительный фрагмент метафоризации пищевой сферы составляет признаковая гастрометафора, которая реализует проекцию различных свойств и качеств продуктов питания на разнообразные явления окружающего мира. Например, <...> **терпкий** ‘оригинальный, выразительный, привлекающий внимание’» [Полякова, Юрина 2020: 77].

Климент часто говорит о двояком способе воспитания людей: «<...> процесс спасения понимается <Климентом Александрийским> как божественная педагогика, конечной целью которой является приобретение добродетели и знания. <...> божественное наказание задумано как исправляющее, ведущее к преобразованию позиции, определяемой невежеством. Как утверждает Педагог, главная цель Бога – добиться покаяния человека, а Его угрозы и наказания предназначены для блага грешника» [Lanzillotta 2013: 216]. В «Увещевании» Климент пишет: «В самом деле, насколько лучше для людей с самого начала не желать того, чего желать не должно, чем получать желаемое? Но вы не приемлете терпкого вкуса (τὸ ἀσθηρόν) спасения. Как мы радуемся сладкой пище, предпочитая ее остальной из-за наслаждения, получаемого при вкушении ее (хотя лечит нас и исцеляет горькая (τὰ πικρά), раздражающая чувства, а слабых желудком укрепляют неприятные на вкус лекарства (ἢ τῶν

φαρμάκων ἀσθηρία)), так и привычка услаждает и щекочет. Но она толкает нас в пропасть, истина же приводит на небеса» (Protr. 10, 109, 1). Бог выступает не как судья, бичующий или опаляющий грешников, а как заботливый и мудрый врач. Интересной представляется интерпретация слов из Книги Притч: «Так и через Соломона возвещается: Ты жезломъ бей (πάταξον, в Библии: πατάξεις, побиеши) сына, душу же его от смерти избавь (ср. Притч. 23:14). И вновь: Не преставай младенца наказовати: но исправляй (εὐθυναί) его жезломъ, ибо он не умрет (ср. Притч. 23:13, где сказано: аще бо жезломъ биеши его, не умретъ). Ибо обличение (ἔλεγχος) и поношение (ἐπίπληξις), как намекает и <их> имя, есть удары (πληγαί) по душе, сдерживающие грехи и смерть отвращающие, ведущие же к рассудительности тех, кто склонен к распущенности. Так и Платон, познав величайшую силу исправления и сильнейшее очищение – обличение (τὸν ἔλεγχον), в соответствии с Логосом полагает, что человек совершенно оскверненный сделался из-за отсутствия обличения невежественным и гнусным в той степени, в какой подобало, чтобы грядущий стать поистине счастливым был безупречнейшим и прекраснейшим» (Paed. I, 9, 82, 1–3). Климент физическое наказание, предписываемое Соломоном, истолковывает как нравственное, ссылаясь при этом на Платона (Plato. Soph. 230d–e).

Александрийский богослов обращается к образу превратившейся в соляной столп жены Лота (Быт. 19:26), говоря, что он (образ) «не бесполезен, но способен приправить и оказать вяжущее воздействие (ἀρτύσαι δὲ καὶ στῦσαι) на духовно созерцающего» (Strom. II, 14, 61, 4). Глагол ἀρτύειν употребляется в Новом Завете всего три раза (Мк. 9:50, Лк. 14:34, Кол. 4:6) и только в связи с солью [Schmoller 1994: 66]. Пример жены Лота призван, по мнению Климента, стать сольным и терпким предостережением для человека, способного разглядеть тайный смысл в библейских текстах (ср. Protr. 10, 103, 4). В «Педагоге» Климент говорит о трех типах совета: «Есть три направления совета. Первое – заимствующее примеры из прошедших времен <...>. Второе – постигаемое из настоящего времени <...>. Третье направление совета основывается на будущем <...>. Имеется же и другой вид его педагогики, благословение» (Paed. I, 10, 90, 2–92, 1).

Идея воспитательного «терпкого» порицания красной нитью проходит практически через все сочинения Климента. В «Педагоге» он заявляет: «Поношение (ἐπίπληξις) есть поносительный укор (ἐπιτίμησις ἐπιπληκτική) или хлесткое порицание; пользуется же Педагог и этим лечением, говоря через Исайю: *Горе, чада отступившая,*

сия глаголетъ Господь: сотвористе совѣтъ не Мною и завѣты не духомъ Моимъ (Ис. 30:1). В каждом отдельном случае Он пользуется страхом как весьма терпким вяжущим средством (στυμμάτι δὲ αὐστηροτάτῳ), одновременно обуздывая народ и обращая с помощью страха к спасению, как окрашиваемую шерсть обычно подвергают действию едкого раствора (προστυφέσθαι) при приготовлении к надежному усвоению краски» (Paed. I, 9, 78, 1)¹⁰. Здесь обыгрывается звучание слов с похожим значением и одинаковым корнем: от «терпкого вкуса» Климент переходит к «едкому раствору». К образу, заимствованному из сферы обработки тканей, александрийский богослов возвращается в «Строматах»: «Ибо как вяжущее средство при окрашивании (ἡ στυψίς τῆς βαφῆς) шерсти, оставаясь <на ней>, предоставляет ей характерные свойства и изменение по сравнению с другой <шерстью>, так и в душе страдание ушло, но остается прекрасное, и сладкое сохраняется, позорное же стирается» (Strom. VI, 12, 103, 6). Единственный случай, когда слово с рассматриваемым корнем появляется у Климента в негативном контексте, обнаруживаем в «Педагоге»: «Ведь со временем рисунок линяет, стирки же и пропитывания в вяжущих лекарственных соках при окрашивании (αἱ στυψεῖς τοῖς φαρμακώδεσι τῆς βαφῆς χυμοῖς), истончая шерсть, приводят к тому, что ткани одежд становятся непрочными, а это не полезно для ведения хозяйства» (Paed. II, 10, 111, 1).

Кроме слов с корнем -στυφ- в похожих контекстах Климент использует слово αὐστηρία «резкость, горечь; строгость (harshness, bitterness; severity)» [Lampe 1961: 265] и однокоренное прилагательное. Приведем несколько наиболее интересных фрагментов: «Итак, подстриженные на голове волосы не только являют мужчину строгим (αὐστηρόν), но и делают череп менее уязвимым, приучая переносить и холод, и зной, и отражают протекающий от того и другого вред; длинные волосы, вбирая его в себя напоподобие губки, наносят постоянный вред мозгу от влаги (ἐκ τῆς νοτίδος)» (Paed. III, 11, 62, 1). Вновь «горечь»/«строгость» помогает бороться с избытком влажности. В Новом Завете слово αὐστηρός характеризует человека, отправившегося в дальнюю страну за царством и давшего рабам десять мин (Лк. 19:21, ср. 22).

Музыкальные лады и мелодии также могут быть строгими-горькими и изнеженными-влажными: «Ведь следует допускать целомудренные (τὰς σόφρονας) лады, прогоняя как можно дальше от нашего сильного разума воистину изнеженные (букв. влажные) (τὰς ὑγρὰς ὄντως ἀρμονίας), которые, соблазняя переливами зву-

ков, отклоняются в расслабленность и шутовство. Суровые (букв. горькие, едкие) же и целомудренные мелодии (τὰ δὲ αὐστηρὰ καὶ σοφρονικά) стонут дикостей опьянения» (Paed. II, 4, 44, 5). Изнеженными-влажными бывают и шаги: «Ведь не <надо вести себя так,> как некоторые женщины, <которые> <...> выходят на светскую сцену с этими утонченными движениями, изнеженной поступью (τοῖς ὑγροῖς βαδίσμασιν) и манерным голосом» (Paed. III, 11, 68, 1). Истину же Климент называет «строгой-горькой (αὐστηρά) и почтенной» (Strom. VII, 16, 100, 6).

Результаты нашего герменевтического анализа пассажей с корнем -στυφ- открывают возможности теоретических обобщений в области филологической герменевтики, лексической семантики, мотивологии.

Климент – один из первых христианских авторов, кто стал рассматривать наказание как воспитание, а Бога – как врача, использующего для исцеления грешника разные лекарственные средства. Возможно, такое отношение к вразумляющему наказанию его и следующих ему других церковных авторов повлияло на понимание сущности епитимьи в Восточной Церкви: «В Православной Церкви епитимья понимается как духовное лекарство, которое принимающий исповедь священник как духовный врач назначает кающемуся для уврачевания его нравственных недугов (102-е правило VI Вселенского Собора)» [Давыденков 2020: 417]. Для сравнения приведем слова из католического катехизиса: «The sacrament of penance is an unusual tribunal. <...> It is in the name of Christ that the priest speaks the judgment of the Savior's mercy <...>» [Albacete, Almagno, Aumann and others 1976: 483]. Католический священник рассматривается как судья, кающийся – как обвиняемый, епитимья – как наказание. Итак, отличие восприятия этого таинства у католиков и православных, как и многие другие отличия, коренится в седой древности.

Примечания

¹ Согласно LSJ, στυμμα имеет значения: «вяжущее средство (astringent), особенно используемое для сгущения масла, чтобы оно лучше сохраняло запах» [Liddell, Scott, Jones 1996: 1657].

² Согласно LSJ, στυψίς имеет значения: «стягивание, терпкость (contraction, astringency)»; «о пище, которая производит *запирающий* эффект». П. «при окрашивании, *замачивание ткани в вяжущем растворе*» [ibid.: 1658].

³ Согласно LSJ, στυπτικός имеет значения: «вяжущий (astringent)» [ibid.: 1658].

⁴ Согласно LSJ, στυφω имеет значения: I. 1. «*стягивать, сближать (contract, draw together)*»; «особенно о вяжущем вкусе». 2. «при

окрашивании, *обрабатывать* ткани и т. п. *морилкой*». П. 1. «*быть вяжущим*». 2. «метафорически, *быть жестким, строгим, угрюмым* (*to be harsh, austere, gloomy*)» [ibid.: 1658]. Согласно этимологическому словарю Я. Фриска, глагол στύφω, от которого образованы все приведенные выше слова, имеет значения «сжимать, оказывать вяжущее действие, особенно о вкусе, уплотнять, закупоривать, обрабатывать едким средством (*zusammenziehen, adstringierend wirken, verdichten, verstopfen, mit einem Beizmittel behandeln*)» [Frisk 1960: 815]. По этимологическому словарю П. Шантрена, στύφω переводится «стягивать, сжимать (с вяжущим действием), вызывать запор, использовать каустический продукт (*tesserger, contracter, avoir un effet astringent, constiper, employer un produit caustique*)». Существует гипотеза, что *στύφω является заменой *στρύφω, ср. στρυφνός «кислый» [Chantraine 1977: 1067]. Согласно патристическому словарю Дж. У. Г. Лампе, этот глагол в творениях Отцов Церкви означал, в том числе, 1. «*стягивать, сближать, составить* (*contract, draw together; draw up*)»; 2. «*быть вяжущим*»; «метафорически, *быть или действовать как вяжущее средство*»: а. «жалить, укреплять (*sting, brace*)»; б. «*быть строгим, быть жестким (по отношению к), исправлять* (*be severe, be hard (on); correct*)» [Lampe 1961: 1265].

⁵ Согласно LSJ, ἐπιστύφω имеет значения: «*составить, об эффекте вяжущих средств*»; «*попицание*»; 2. *повторно нанести морилку* в качестве подготовки к окрашиванию (*apply a second mordant, as preparation for dyeing*)» [Liddell, Scott, Jones 1996: 662].

⁶ Согласно LSJ, προστύφω имеет значения: I. «*предварительно загущать*»; II. «*наносить морилку*» [ibid.: 1528].

⁷ О терапевтическом воздействии вяжущих средств писал Плутарх: «<...> Если же медный клин, вонзенный в тушу, как говорят, предохраняет мясо от загнивания, то это указывает на присущую ему вяжущую силу: ведь ярью-медяной врачи пользуются как лекарством, обладающим именно таким действием. <...> Аристотель сообщает, что и раны, нанесенные медным мечом или наконечником копья, менее болезненны и легче залечиваются, чем нанесенные железом, по той причине, что медь содержит в себе нечто врачующее и сразу же оставляет это в ране. Но легко понять, что и в случае гниения вяжущее и врачующее начало имеет силу, противоположную вредоносному» (Plut. Quaest. conv. 624d-e; пер. Я. М. Боровского). Также у Плутарха находим похожее описание эффекта от вяжущих средств: «По моему же мнению, горечь сама по себе имеет силу сушить и противодействовать влаге; поэтому горький вкус и наиболее

неприятен (ибо мягкие и проницаемые жилки языка, как говорит Платон, при потере влаги стягиваются сухостью вопреки своей природе), и для стягивания ран применяют горькие лекарства, как говорит Гомер: «<...> и руками истертым корнем присыпал / Горьким, врачующим боли, который ему совершенно / Боль утоляет; и кровь унялася, и язва иссохла». Поэт правильно приписал горькому на вкус иссушающую силу. Другим примером являются присыпки, которыми пользуются гимнасты против потения: будучи горькими на вкус, они своей вяжущей силой устраняют избыток влаги (στυπτικὰ ὄντα σφοδρότητι τοῦ στρυφνοῦ τὸ πικρόν)» (Plut. Quaest. conv. 624d-e; пер. Я. М. Боровского).

⁸ Речь идет о фразе «если у кого-либо из вас сын или вол упадет в колодезь» (Лк. 14:5), в которой по-арамейски были все три очень похоже звучащих существительных: «сын» – b'ra, «вол» – b'ira, «колодезь» – bēra.

⁹ «Из-за забродившего вина весьма бесстыдно наливаются и вздуваются и сосцы и члены (ὄρῳσι <...> καὶ οἰδοῦσι μαστοῖ τε καὶ μόρια)».

¹⁰ Ср.: «Как шерсть одну краску впитывает сразу, другую – только когда долго мокнет и варится в ней, так одни учения ум удерживает, едва восприняв, а это учение, если не проникло глубоко и надолго, если не окрасило, а только испачкало душу, не даст ей ничего из обещанного» (Sen. Epist. 71, 31; пер. С. А. Ошерова). «Ведь и растворы, друг мой, – сказал я, – которыми пользуются при окраске тканей, оказывают некое вяжущее и отмывающее действие, благодаря которому поры тканей лучше воспринимают и прочнее удерживают краску в образующихся пустотах» (Plut. Quaest. conv. 689a; пер. Я. М. Боровского).

Список литературы

Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата / пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1987. 360 с.

Братухин А. Ю. Загадка имени Климента Александрийского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2(14). С. 123–130.

Давыденков О., прот. Догматическое богословие: учебник. Изд. испр. и доп. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: Познание, 2020. 456 с.

Полякова А. А., Юрина Е. А. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира // Вестник ТГПУ. 2020. № 2 (208). С. 76–83. doi 10.23951/1609-624X-2020-2-76-84

Яровая Е. Ю. Лингвокультурологические особенности прилагательных полимодальных ощущений во французском, английском и русском

языках // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 12 (209), вып. 26. С. 74–83.

Albacete L., Almagno R. S., Aumann J. and others. *The Teaching of Christ. A Catholic Catechism for Adults* / Edited by R. Lawler, O. F. M. Cap, D. W. Wuerl, Th. C. Lawler. Huntington: Our Sunday Visitor, 1976. 640 p.

Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots*. Paris: Éditions Klincksieck, 1977. Tome IV–1. P. 963–1164.

Clément d'Alexandrie. *Le Pédagogue. Livre I* / Introduction et notes de H.-I. Marrou, traduction de M. Harl. Paris, 1960. 298 p.

Edewaard A. N. *Food as Medicine of Body and Soul: Clement of Alexandria's Dietary Prescriptions in the Paedagogus*. A Dissertation submitted to the Graduate School of the University of Notre Dame in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Notre Dame, Indiana: 2020. 249 p.

Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Band II. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1970. 1154 p.

Gabrielsson J. *Über die Quellen des Clemens Alexandrinus*. Zweiter Teil. Upsala, K. W. Appelbergs Buchdruckerei, 1909. XI, 490 S.

Itter A. C. *Esoteric Teaching in the Stromateis of Clement of Alexandria* // *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston: Brill, 2009. Vol. 97. XIX, 233 p.

Lampe G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford: At the Clarendon Press, 1961. XLIX, 1568 p.

Lanzillotta L. R. *Greek Philosophy and the Problem of Evil in Clement of Alexandria and Origen* // *Cuadernos de Filología Clásica. Estudios griegos e indoeuropeos*. 2013. № 23. P. 207–223.

Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. *A Greek-English Lexicon* / Compiled by H. G. Liddell and R. Scott. A New Edition Revised and Augmented throughout by H. S. Jones. With the assistance of R. McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2042 p.

Osborn E. F. *The Philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge: At the University Press, 1957. XI, 199 p.

Schmoller A. *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament*. Stuttgart: Deutsch Bibelgesellschaft, 1994. 534 S.

References

Averintsev S. S. *Ot beregov Bosfora do beregov Yevfrata* [From the Banks of the Bosphorus to the Banks of the Euphrates]. Transl., pref., comm. by S. S. Averintsev. Moscow, Nauka Publ., 1987. 360 p. (In Russ.)

Bratukhin A. Yu. *Zagadka imeni Klimenta Aleksandriyskogo* [The enigma of the name of Clement of Alexandria]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 2 (14), pp. 123–130. (In Russ.)

Davydenkov O. V. *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic Theology]: a textbook. Moscow, General Church Postgraduate and Doctoral Studies named after Holy equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius: Poznanie Publ., 2020. 456 p. (In Russ.)

Polyakova A. A., Yurina E. A. *Metaforizatsiya vkusovykh priznakov v russkom yazyke i kartine mira* [Metaphorization of food taste characteristics in the Russian language and the world picture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2020, issue 2 (208), pp. 76–83. (In Russ.)

Yarovaya E. Yu. *Lingvokul'turologicheskie osobennosti prilagatel'nykh polimodal'nykh oshchuscheniy vo frantsuzskom, angliyskom i russkom yazykakh* [Lingvo-cultural features of the polymodal senses attributes in the French, English and Russian languages]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities], 2015, vol. 12(209), issue 26, pp. 74–83. (In Russ.)

Albacete L., Almagno R. S., Aumann J. et al. *The Teaching of Christ. A Catholic Catechism for Adults*. Ed. by R. Lawler, O. F. M. Cap, D. W. Wuerl, Th. C. Lawler. Huntington, Our Sunday Visitor, 1976. 640 p. (In Eng.)

Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots* [An Etymological Dictionary of the Greek Language. The History of Words]. Paris, Éditions Klincksieck, 1977, vol. IV–1, pp. 963–1164. (In Fr.)

Clément d'Alexandrie. *Le Pédagogue. Livre I* [The Instructor. Book I]. Introduction and notes by H.-I. Marrou; transl. by M. Harl. Paris, Les éditions du Cerf, 1960. 298 p. (In Fr.)

Edewaard A. N. *Food as medicine of body and soul: Clement of Alexandria's dietary prescriptions in the Paedagogus*. A Dissertation submitted to the Graduate School of the University of Notre Dame in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Notre Dame, Indiana, 2020. 249 p. (In Eng.)

Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch* [A Greek Etymological Dictionary]. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1970, vol. 2. 1154 p. (In Ger.)

Gabrielsson J. *Über die Quellen des Clemens Alexandrinus* [On the Sources of Clement of Alexandria]. Upsala, K. W. Appelbergs Buchdruckerei, 1909, pt. 2, XI, 490 p. (In Ger.)

Itter A. C. Esoteric Teaching in the Stromateis of Clement of Alexandria. *Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language*. Leiden, Boston, Brill, 2009, vol. 97, XIX. 233 p. (In Eng.)

Lampe G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1961, XLIX. 1568 p. (In Eng.)

Lanzillotta L. R. Greek philosophy and the problem of evil in Clement of Alexandria and Origen. *Cuadernos de Filología Clásica. Estudios griegos e indoeuropeos* [Classical Philology Notebooks. Greek and Indo-European Studies], 2013, issue 23, pp. 207–223. (In Eng.)

Liddell H. G., Scott R, Jones H. S. *A Greek-English Lexicon*. Comp. by H. G. Liddell and R. Scott, a new edition revised and augmented throughout by H. S. Jones, with the assistance of R. McKenzie. Oxford, Clarendon Press, 1996, XXXI, 2042 p. (In Eng.)

Osborn E. F. *The Philosophy of Clement of Alexandria*. Cambridge, University Press, 1957, XI. 199 p. (In Eng.)

Schmoller A. *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament* [A Pocket Concordance to the Greek New Testament]. Stuttgart, Deutsch Bibelgesellschaft, 1994. 534 p. (In Ger.)

The Tart Taste of Salvation (on the Root -στυφ- as Used by Clement of Alexandria)

Alexander Yu. Bratukhin

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. Bratuch@yandex.ru

SPIN-code: 2394-1350

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6581-3721>

Submitted 06 Mar 2023

Revised 02 Sep 2023

Accepted 05 Oct 2023

For citation

Bratukhin A. Yu. Terpkij vkus spaseniya (k voprosu ispol'zovaniya Klimentom Aleksandriyskim kornya -στυφ-) [The Tart Taste of Salvation (on the Root -στυφ- as Used by Clement of Alexandria)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 4, pp. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2023-4-5-13 (In Russ.)

Abstract. For describing the opposite (punishing and encouraging) methods of divine pedagogy, Clement of Alexandria used metaphors related to taste and medicine. God appears to him to be not a strict judge, punishing sinners, but a caring and wise doctor, prescribing bitter/tart medicine for them. Clement compares harsh but salutary experiences (mental suffering, fear) with astringents. He interprets physical punishment, which is written about in the *Book of Proverbs* (Prov. 23:13-14), as moral. In his opinion, Hellenic philosophy formed and strengthened morals in advance (προ-τυπούσα και προ-στυφούσα) (Strom. I, 16, 80, 6), and he intends to reinforce those with the help of the divine Scriptures, using the latter as an astringent (ἐπι-στυψω) (Paed. III, 2, 9, 1). Wateriness (ὕδαρότης, ὕδαρές, ὕδατῶδες) in some cases is associated with depravity, and reproof is regarded as an astringent medicine, relieving of excessive liquid and designed to stop the spread of sinful ulcers. The Alexandrian theologian draws the readers' attention to points that are important to him, using both verbal play (for example, ἐπιστύφον... σταφυλῆς) and the polysemy of words (for example, the verb ἐπι-στυφειν has the meanings 'to exert an astringent effect' and 'to reprove'. Clement was not the only one who wrote about the usefulness of censure and astringents. In this he followed in the footsteps of authors such as Plato and Plutarch. The perception of God as a Physician became characteristic of the Orthodox Church and influenced the understanding of the essence of penance, considered as the healing of the penitent.

Key words: Clement of Alexandria; astringents; divine pedagogy; metaphor; penance.